

Елена Рейн

Доверитъ
в сказки

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Рейн
Поверить в сказку
Серия «Только моя», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44834792

SelfPub; 2019

Аннотация

Бедность, равнодушие матери, предательство мужчины, беременность – жизнь Ксении похожа на ад. И в самый тяжелый момент она попадает под машину, что в результате обернулось удачей, путевкой в новую жизнь, даруя перспективы и желанные возможности. Дмитрий – профессиональный боксер, занимается охранным бизнесом. Он едет к вдове своего отца, планируя разобраться с наглой, маленькой, корыстной женщиной, претендующей на то, что ей не положено, как, впрочем, и ее ребенку. Столкновение неизбежно, взрыв гарантирован, но что принесет их встреча, ведь страсть и любовь не дремлют? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	26
Глава 2	41
Глава 3	52
Глава 4	66
Глава 5	77
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Пролог

3 года назад

Омск, 31 декабря

Ксения

Я находилась в маленькой комнате, где единственным украшением была захудалая желтая елка с несколькими пластмассовыми шарами, купленными на распродаже на китайском оптовом рынке. Напротив ее, загоразивая потертые обои, стояла стенка, купленная еще в восьмидесятых годах, покосившаяся, обитая со всех сторон фанерой, и провисшими дверцами. На полках кроме книг и посуды больше ничего не было. Диван, на котором я сидела, удивлял тем, что рисунок еще не стерся за столько лет, хоть мама чистила его чуть ли не каждую неделю.

Мы жили тяжело и бедно. Отец погиб, когда я была еще совсем крошкой. Он работал дальнобойщиком. Разбился, когда доставлял груз: заснул и съехал в кювет.

Матери было сложно одной растить дочь в чужом городе, куда они с отцом переехали сразу же после свадьбы, узнав, что ждут пополнения в семье. Хорошо, что квартира находилась в собственности отца и перешла ей. Но коммуналь-

ные расходы, траты на себя и меня, душили ее. Без должного образования она могла устроиться только на должность с небольшой оплатой, например, уборщицей, кем постоянно и работала.

Нет, никогда ее не порицала, ничего не требовала, только помогала. Приходя после школы, бегала с ней по организациям, махая тряпкой или шваброй. Естественно, одевалась я плохо, за что «добрые» дети меня всегда высмеивали и унижали прилюдно. Особенно переломным для меня был момент, когда сердобольные соседки таскали маме вещи, а их любимые детишки обсуждали это в школе, тыкая в меня пальцем, рассказывая, почему они отказались носить эти надоевшие им тряпки.

Я терпела до поры до времени, а потом стала отвечать, понимая, что по-другому никак. Спустя время, когда разговоры не помогали, начала драться. В основном дергала за волосы, а когда и по лицу била, за что постоянно получала от матери, вечно причитающей и оправдывающейся перед всеми, какой непутевой я расту, не понимая, почему на их благородство отвечаю так по-свински.

В ответ молчала, уже давно для себя решив, что пусть она так и думает. После последнего случая, когда разбила губу девочке, посмевшей обозвать мою мать зажавшейся, тупой попрошайкой, перестала надевать отданные вещи. Мать пыталась меня уговорить поменять решение, но потом поняла, что это бесполезно, и перестала брать подаяние, за что я бы-

ла ей очень благодарна. Лучше уж ходить в неприглядном старье, чем в красивом платье, но с плеча соседской девочки, с которой посещала один класс.

Училась я средне. Не сказать, что была полная троечница, но и в отличницы не выбивалась. Да и не хотелось, чтобы не привлекать лишнего внимания. И так была постоянной мишенью для насмешек и издевательств.

Глядя на себя в зеркало, я видела симпатичную темноволосую девушку с нежными чертами лица, выразительными голубыми глазами в обрамлении пышных ресниц и аппетитной фигуркой. Но благодаря невзрачной одежде и вечному затворничеству, на меня никто не обращал внимания, даже мальчики в старших классах. Хотя я и была на лицо лучше наших принцесс, но все равно считалась болотной лягушкой. Со мной не общались одноклассники. Они кривились и смеялись, стоило мне только зайти в класс. Было до слез обидно, но потом научилась не реагировать на такое отношение и пропускать их издевки мимо ушей.

Естественно, молодого человека, у меня не было, и я никуда не ходила гулять. Может, кому-то из мальчиков я и нравилась, но никто из них не осмелился бы пойти против всех.

Танцы, кружки, дни рождения, посещения мероприятий классом проходили мимо меня. У нас никогда ни на что из этого не было денег, и поэтому меня никогда никуда не звали. На мои просьбы, мольбы, хоть раз сходить со всеми, мать лупила ремнем, желая выбить мою жадность и зависть. По-

сле нескольких таких поучительных наказаний меня будто отрезало, и я поняла, что лучше молчать, или заставляла себя поверить в то, что мне ничего не нужно. Через несколько лет перестала выть в подушку от такой несправедливости, смирилась, решив, что это не для меня.

Начиная с девятого класса, после школы бежала домой, быстро делала уроки, и мыла полы в подъездах нашего дома, за что получала деньги. Хоть маленькие, но свои. Это позволяло мне иногда покупать необходимые вещи в виде простого нижнего белья, колготок, футболок и прочего. Пусть вещи были недорогими, простыми и скромными, но не с чужого плеча, а лично моими.

Кто не бывал в такой ситуации, никогда не поймет, что такое, когда НЕТ денег ни на что. Мне было тяжело себя постоянно ломать, уговаривая, что можно обойтись и без всяких вкусностей или модных вещей. Хлеб, молоко, мука, коммунальные услуги, лекарство для матери – вот куда уходили все мои деньги от подработок после десятого класса.

У моей матери – Ларисы Петровны, бывало такое высокое давление, что как только оно поднималось, меня начинало трясти от страха остаться одной на белом свете. Бригады скорой помощи нашего Кировского округа знали меня как родную, обращались по имени и старались помочь, чем могли.

После школы я поступила учиться в техникум, находящийся через два дома от нашего, по специальности технолога кондитерских изделий. Поступила сама на бюджет и очень

этим гордилась. Но когда меня поздравили, что прошла, и вручили счет на оплату в виде обязательного «добровольного» пожертвования, ревела в туалете, не представляя, где возьму деньги. Каждая копейка была на счету и мать жестко контролировала все расходы, вечно подозревая, что я не всю зарплату отдаю ей. Она бегала к старшей по дому, интересуясь суммами, которые мне выплачивались, впрочем, не стеснялась заходить в кафе, где я подрабатывала, чтобы узнать, сколько мне должны выплатить. И за это мне было невероятно стыдно, но изменить ситуацию я не могла.

Узнав новость о взносе, мать только пожала плечами и с ледяным тоном заявила, что я всегда могу устроиться техничкой, занимать деньги на ненужные расходы она не собиралась, но при этом не забыла напомнить о том, что я должна быть ей вечно благодарна, что она вырастила меня, а не сдала в детдом. В тот момент я молча ушла, надеясь, что родная женщина хоть немного, но корит себя за нашу нищенскую жизнь. Не добивать же мне ее упреками?! У меня она одна...

Не нужно думать, что я достала деньги, «заработав» их или своровав. Нет. Я пришла к директору техникума, суровой на первый взгляд женщине, и выложила все, как есть, не скрывая своего отчаяния и слез. Тамара Олеговна долго смотрела на меня, а потом посоветовала идти домой, а она что-нибудь придумает, но с меня – красный диплом.

Не описать словами, как была рада. Я могла учиться! Не верила, что у меня получилось. Помня о своем обещании,

я не только старалась быть лучшей в учебе, но и получала стипендию, а также подрабатывала в кафе и на практиках, которые оплачивали.

В общем, четыре месяца назад я окончила техникум с красным дипломом и была на седьмом небе от счастья. У меня было столько надежд и планов, что я сразу же бросилась их реализовывать.

Благодаря все той же доброй женщине, помогающей мне негласно, молчаливо без лишних слов, за что я была ей безмерно благодарна, я устроилась работать на хлебозавод в нашем Старом Кировске. Моя жизнь хоть немного изменилась, и я была этому несказанно рада. Но вот сейчас... пыталась прийти в себя от шокирующей новости. Как ни банально для других и странно для меня, но я беременна, и аборт в моем случае нежелателен, так как после него больше не смогу иметь детей. Так сказал гинеколог, просматривая мои анализы.

Вот так бывает. И случилось это именно со мной. А ведь казалось, что теперь все будет хорошо. С отцом моего будущего ребенка, молодым человеком, работающим в автосалоне менеджером, я познакомилась случайно. Шла после смены домой, практически засыпая на ходу, когда случайно налетела на незнакомца, торопящегося к своей машине. Он опаздывал на работу и поэтому не смотрел по сторонам. Оказалось, что живем мы с ним практически в одном дворе. Его дом находился через два дома от моего. Он год назад

переехал в наш город из Новосибирска. По какой причине, не говорил, да я и не настаивала. В то утро парень на меня накричал, и сев в машину – уехал, а потом мы вновь случайно столкнулись, когда я шла в аптеку. Так и стали общаться. Через несколько месяцев у нас случился секс.

Не сказала бы, что все было волшебным, как описывают в книгах, скорее странно и, наверное, приятно... но только ему. Второй раз уже было не больно. В следующие наши встречи просто отстраненно наблюдала за его мимикой, удивляясь восторгу и неприятной похоти, считая себя неправильной. Ведь я совсем ничего не испытывала от его быстрого стремления кончить.

И вот... вчера узнала о беременности и до сих пор в шоке. После слов врача, не знала, что делать и как быть. В первую очередь решила поговорить с матерью, спросить совета. Надеялась, что хоть раз в жизни мы сядем и поговорим как мать с дочерью. Знала, что будет тяжело, но даже не предполагала, что так. Гинеколог заверил, что если я избавлюсь от плода, то у меня никогда не будет детей. Вот так, поэтому переживала и боялась. Мне был очень необходим совет самого родного человека.

Послышались шаркающие шаги из соседней комнаты, где мать отдыхала, перед тем как приступить к просмотру праздничной передачи в честь Нового года. Я никогда не любила этот праздник. В эту ночь как никогда осознаешь, что все отдыхают и веселятся, а ты... как обычно. Хотя нет, есть раз-

ница. В последние годы у нас был вкусный ужин, который я готовила за свой счет.

Два часа назад закончила работу на кухне, приготовив селедку под шубой, котлеты, картофельное пюре и торт, который испекла сама. Никогда не покупаю выпечку. Ведь из магазина она не будет такой вкусной, нежной и тающей во рту. Из фруктов купила апельсины. Мне как раз дали зарплату с премией, и я могла позволить себе некоторые незапланированные расходы.

Мать уже три месяца не работала, и в последнее время с трудом передвигалась. Часто ноги отекали так, что она могла ходить, только лежать либо дома, либо в больнице. Поэтому все было на мне. И, естественно, вновь стало не до внешнего вида и дома. Все вернулось к тому, как было двадцать лет назад, когда умер отец.

Моя мама, довольно замкнутый человек. Она не любила веселье, встречи, ей было лучше в тишине, чтобы не видеть и не слышать никого рядом, а думать о своем. Я, понятное дело, не была исключением из правил. Хотя нет, было у нее одно любимое занятие. Она днями и ночами могла смотреть телесериалы, да разные развлекательные передачи, чтобы потом часами обсуждать молодежь и олигархов, обогащающихся за счет простых людей.

– Что телевизор не включила? Праздник сегодня, фильмы нормальные должны идти, – с одышкой сказала она, усаживаясь в потертое кресло и тяжело вздыхая. – Где этот пульт?

Вечно он куда-то пропадает.

Единственная ценная вещь в нашем зале, был небольшой плазменный телевизор, стоящий на полке. Я купила его в рассрочку, как только устроилась на работу. Устраивало то, что нужную сумму нужно было выплатить в течение двух лет, и это особо не било по зарплате. Наш старый ламповый телевизор сгорел еще год назад и не подлежал ремонту. Вызванный техник очень удивился, что таким барахлом еще кто-то пользуется.

– Мама, можно с тобой поговорить? – спросила, сжимая вспотевшими пальцами вытянутую футболку, давно потерявшую цвет. Ей было сто лет в обед, но я все же не решилась ее выбросить и до сих пор носила. Заметив, как она недовольно скривилась, не желая разговаривать, потому что в данный момент шла трансляция ее любимого фильма «Ирония судьбы или с легким паром!», добавила: – Мне очень важно знать твое мнение.

Вздыхнув, она нажала на кнопку, показывая, что делает мне одолжение, и кивнула, поправляя халат на большой груди.

– Что у тебя стряслось? – недовольно поинтересовалась она. – Давай говори скорее, а то голова болит.

Сглотнув, я замялась, не зная, как начать, а потом выдала все сразу, как обычно делала, когда терялась:

– Я беременна. Срок пять недель. Если сделаю аборт, то никогда не смогу иметь детей.

Мать резко повернулась ко мне и, прищурившись, резко подняла руку, как будто желая со своего места ударить по затылку, и прошипела:

– Ты... Да как ты могла? Ты же знаешь, как мы живем?! В нищете! Ты что, не видишь как нам тяжело? Чем думала, когда ноги раздвигала?

Обняв себя за плечи и, сглотнув, чтобы промочить сухое горло, произнесла:

– Так получилось...

– Получилось, – с ненавистью повторила она мои слова. Потом отвернувшись, села прямо, и начала раскачиваться взад-вперед, о чем-то думая, при этом хмуря густые брови и морщинистый лоб.

Чувствовала себя в этот момент ужасно. Понимала, что виновата, но сейчас мне нужен был совет. Очень.

– А может так будет и лучше, – вдруг задумчиво сказала мама, продолжая раскачиваться на кресле, отчего оно скрипело, не выдерживая большого веса. Раньше она пыталась бороться с лишним весом, а потом плюнула, и уже десять лет весила за сто килограммов, не обращая внимания на советы врачей, махая рукой на их предупреждения. «С генетикой не поспоришь!» – всегда говорила она, наворачивая любимые макароны, которых у нас было припасено на несколько лет вперед. Зарплату в одно время не выдавали, поэтому мать выбрала ее макаронными изделиями, забывая кухню и чулан.

– Что... хорошо? – уточнила, не представляя, что она име-

ет в виду. Я никогда не знала, о чем она думает. Чтобы быть в курсе о том, что твориться у нее в голове, нужно хотя бы общаться как мать с дочерью, но, к сожалению, между нами такого не было.

— Ну... — задумчиво протянула она, а потом выдала: — Хорошо, что ты больше не сможешь родить. Сделаешь аборт, а потом не нужно волноваться, что опять залетишь. Гуляй в свое удовольствие. Что тут думать. Бедноту что ли рожать? Не будь глупой, и сделай все правильно. Насколько я знаю, бесплатные аборты можно делать до трех месяцев. Так что это твой вариант. Как пройдут праздники, иди, сдавай анализы и избавляйся от зародыша. Как-нибудь обойдемся без лишних ртов.

Изложив свою точку зрения, она с довольным лицом посмотрела на меня.

— И не смей тут ныть! — пригрозила она — Как нагуляла, так и избавишься. За все нужно платить. А если надумаешь рожать, я прописывать никого не буду. Квартира моя. Еще дополнительных расходов на коммунальные услуги только не хватало. Вон, Витулина сказала, что опять поднимут цену на воду. Хоть не мойся совсем.

Вот и поговорили. Хотя... А на что я надеялась? На то, что скажет: «Оставляй, что-нибудь придумаем!»? Нет. Глупо. С разочарованием, и какой-то обреченностью сидела и ничего не видела перед собой. Было очень больно слышать такие слова от самого родного человека. Чувствуя себя ненужной

и ничтожной, хотелось разреветься в голос, да только слез не было. Очевидно, за вчерашний день я выплакала их все.

– И еще, – встрепелась мать. – Я тут шишку какую-то на ноге заметила. Скорее всего, нужно в больницу обратиться, а то совсем тяжело ходить стало. Думаю, на такси поедем. Так что премию твою на мое обследование пустим, а не на мясо, как хотела. И без него обойдемся.

Кивнув, медленно поднялась, и не спеша направилась на кухню. Прислонившись к стене, смотрела в окно на людей, что с веселым настроением с огромными пакетами, а кто и с елками, бегут домой, боясь опоздать на праздник. Сегодня же наступает Новый год, а для большинства это один из главных праздников в году. По пути прохожие поздравляли друг друга, смеялись, кто уже был навеселе, как, например, дядя Толя, наш дворник, со своим постоянным собутыльником Вовчиком. Они сидели на детской карусели и выпивали водочку, занюхивая еловой веткой. Наши окна как раз выходили во двор, и мне очень хорошо было их видно.

Вздохнув, я прислонилась лбом к ледяной стене, и закрыла глаза.

– И не нужно тут строить из себя жертву! – раздалось позади меня, и я обернулась, поражаясь, что даже не услышала, как мать подошла. Лариса Петровна прошла вперед, немного покачиваясь в разные стороны, а потом, дойдя до буфета, взяла кружку и налила воды из-под крана. Залпом выпив, она недовольно выдала: – Потом мне еще «спасибо»

скажешь. Не нужны они, только мороки и затрат больше.

На глазах стояли слезы. Отвернулась, чтобы не видеть и не слышать.

– Что там поесть? А то праздник скоро. Не по-людски как-то встречаем. Надо бы за стол сесть, – протянула она, открывая крышку эмалированной кастрюли, в которой приготовила пюре.

– Сейчас накрою, – я резко открыла дверцу старого холодильника. Доставая салат, боковым зрением наблюдала, как мать пошаркала в зал.

Как только я все выставила на стол, мать приступила к ужину, не дожидаясь меня. Есть мне не хотелось, но все же решила перекусить. Только присела, как услышала пиликающие звуки, раздающиеся из коридора, где лежала моя сумка.

Подскочив со стула, поспешила в коридор и вытащила из кармашка сумки сотовый телефон. Подруга на работе купила себе новый, а этот отдала мне. Не хотела брать, но она обиделась, сказав, что даже связаться со мной не может. Что отдает от чистого сердца, ничего не требуя взамен. И вот теперь я с телефоном, как все.

Увидев на экране с трещиной, что входящий от Евгения, вздохнула, не зная, как реагировать, что парень вспомнил обо мне. Сама ему не навязывалась. Не хотела, чтобы он считал, что я сплю и вижу, как бы его женить на себе. Станные мысли. Но когда мы один раз были в кафе с его друзьями, он выразился, что все девушки – это корыстные и жадные

существа, желающие залезть в кошелек, получить штамп в паспорте и поест за счет мужика. Ко мне это, конечно же, не относилось, потому что он никогда ничего мне не дарил, да и в рестораны не приглашал. У нас все было скромно. Прогулки по парку и секс у него дома.

Было неприятно, но я не знала, как может быть по-другому. Хотя слушая рассказы работниц на заводе об их отношениях с парнями, завидовала, и ничего не рассказывала о себе. Не хотелось их сочувствия или наоборот, подколок. Всегда удивлялась, почему со мной все не так. Может, я проклятая?! Или на мне написано, что ничего не нужно, и я обойдусь? А, может, не хочу быть должна, зная, что нечем платить? Скорее последний вариант. Ведь действительно, в ответ на подарок я не могла ничего стоящего подарить взамен. Недавно у Евгения был день рождения. Я испекла торт, красивый, на мужскую тему. Он был в виде крутой тачки, рядом лежали пачка денег и кубинская сигара. Но если судить по его недовольному лицу, Евгений ожидал совершенно чего-то другого. После секса и чая, который он поспешно налил мне, предлагая в угощение мой же торт, и с улыбкой упрасывая забрать, так как он не ест сладкое, заявил, что ему нужно идти и поспешно выпроводил меня за дверь.

Тогда я решила с ним больше не встречаться. Зачем мне такие отношения? Я, конечно, не специалист в них, но лучше жить одной, чем вот так. А потом, узнала что беременная. Все это время мы не звонили друг другу и не общались, а

теперь вот звонок.

Взяв трубку, сухо произнесла:

– Да.

– Привет, куколка. Как дела?

Я никогда не любила такие вот нежности в свой адрес. Мне казалось, что обращаясь ко мне так, парню обязательно от меня что-то нужно. И, действительно, Женя обращался ко мне так, если хотел секса. И требовалось ему этого всегда и в больших количествах.

«Как дела?! Нормально. Беременна от тебя...» – подумала, а сама спросила:

– Зачем звонишь?

Направившись в комнату, где отдыхала мать, открыла дверь. В нос сразу же ударил спертый запах прелости и мочи. Тяжело вздохнув, пошла открывать окно, думая про себя, что я молодая девчонка, а вот чувствую себя женщиной, которой глубоко за пятьдесят, и у нее огромный жизненный опыт.

Открыв окно, сожалея, что не покрасила его летом, принялась заправлять постель, чувствуя, что меня тошнит от невыносимой вони. И ведь попробуй сказать матери хоть слово по этому поводу, чего только не услышишь в ответ.

– Слушай, Ксюсик... – начал парень, отчего скрипнула зубами, так и, мечтая сказать ему, что я Ксения. Ксения! А совершенно не Ксюсик, не Ксюндрик и не Ксюшик. Даже застыла на месте, ожидая продолжения, что незамедлительно

прозвучало: – Мне без тебя так скучно и одиноко. Прибегай ко мне, чтобы мы с тобой...

– Что мы с тобой? – резко уточнила, с интересом ожидая, что может произойти с ним кроме секса.

– Отдохнем, – как довольный кот протянул он.

– Я уже отдохнула, – буркнула, чувствуя злость. Да, злость. Я устала от всего. Куда уж больше отдыхать, если я беременна, а парень – настоящий кабель. Да и еще в придачу вынуждена выслушивать от матери, не забывающей постоянно напоминать о своих проблемах, что будет замечательно, если я, единственная дочь, никогда не смогу родить, после того, как сделаю аборт.

С яростью заправляла постель, и, накрывая покрывалом, услышала из зала:

– Мне холодно!

Закрыв дверь, я села на кровать, и продолжила слушать приторное обращение:

– Зайка, ты не в настроении, да? Что случилось? Расскажи своему любимому пупсику.

Никогда его так не называла. Женя. Евгений. Все. Какой пупсик?!

Может, рассказать ему... А почему бы нет?! Почему я не могу ему поведать о беременности? Да потому что не хочется слышать грязь в свой адрес. А ведь он не меньше меня виноват, что не позаботился о последствиях. Постоянно экономил на презервативах, всегда была одна и та же отговор-

ка: «Забыл зайти в аптеку. Но я всегда знаю, когда выйти из пещерки». Знает он...

– Случилось, – устало произнесла, стараясь успокоиться.

– Приходи и расскажешь. Твой малыш обязательно тебя выслушает. Кстати, у меня шампанское есть, а также твои любимые мандарины.

Не люблю мандарины, ем только апельсины, и то, если получается купить их. Очевидно, все его девушки любят мандарины, и поэтому он решил не заморачиваться.

Все же «да», мне нужно сказать ему. Просто чтобы убедиться, какой это человек и как себя поведет. Глупых надежд я не питаю, да и в сказки с детства не верю, особенно в те, где жили долго и счастливо. Это не ко мне. Зная по своему жизненному опыту, что всего нужно добиваться потом и кровью.

– Приду, – ответила ему.

– Только ты поскорее, а то через три часа мне еще нужно в одно место...

Скривилась, понимая, что после запланированного секса со мной, он побежит гулять дальше, а про меня и речи нет. Помню, когда у нас все только начиналось, он целых два месяца пытался ухаживать, крича, что все серьезно. Наивная, какая же я наивная простушка. Ладно. Поговорю и поставлю все точки на «и», чтобы вступить в новый год без лишних проблем и грязи.

Составив матери компанию за столом минут на десять, и решив, что она не обидится, если останется без меня, так как

не отрываясь смотрит на экран телевизора, я направилась переодеться. Натянув единственное черное платье на все случаи жизни, и накинув пуховик, пошла на выход из квартиры.

На улице было невероятно холодно. Мороз мгновенно схватил за открытые участки тела, как никогда напоминая, что стоит одеваться потеплее. Снег скрипел под ногами, отчего улыбнулась, радуясь, что все же вышла из квартиры. Стало немного легче... дышать.

Было темно. Только редкие фонари освещали дорогу. В воздухе кружились белые хлопья, налипая на одежду. Подставила ладонь и смотрела, как снежинка тает от тепла, так же, как мои мечты от суровой действительности.

Оказавшись перед нужным домом, позвонила в домофон, и сразу пошел длинный сигнал, свидетельствующий, что открыто. Прошла внутрь, предчувствуя, что не задержусь здесь надолго, и вообще, последний раз в гостях.

Не успела войти, как высокий худощавый парень бросился ко мне, жадно прижимая к себе. Не теряя времени, накинулся на губы, пытаясь расстегнуть пуховик. Понимая, что Евгений планировал с порога страстный секс, а не разговор по душам, принялась отталкивать его, недовольно шепча:

– Женя, подожди. Прекрати!

– Я не хочу ждать. Соскучился. Так долго не виделись. Ты, оказывается, такая жестокая, – шептал брюнет, раскрывая куртку, поднимая платье, сжимая ягодицы.

К горлу подкатил ком, голова пошла кругом. Какая же

у него невыносимо резкая туалетная вода! Сдерживая порыв расстаться с содержимым желудка, оттолкнула парня. Не ожидая таких действий с моей стороны, он отлетел в стену и непонимающе посмотрел на меня. Пытаясь принять, что я вот так грубо с ним поступила, гневно рывкнул:

– Ты дура? Я соскучился, а ты ведешь себя как стерва! Если плохое настроение, не нужно мне его показывать. Не желаю слушать жалкие капризы...

Рвано начала хватать ртом воздух, понимая, что мне нужно выйти на улицу. Подступила тошнота, отчего почувствовала горечь на языке, и я пожалела, что съела котлету. Огляделась по сторонам и, сев на пуфик, тихо проговорила:

– Жень, я беременна, пять недель.

Его выражение лица в эту секунду было столь ярким, что я даже отвлеклась от своего плачевного состояния. Шок, ужас, неверие, и ярость. Даже противно стало, что оказалась права на его счет, но совсем не ожидала следующих слов:

– Опоздала, идиотка. Я уже женат, и да, ребенок тоже есть, сын. Только они там, в деревне остались, а я приехал сюда деньги зарабатывать. И лишних денег для тебя у меня нет, если рассчитываешь просить. Так что это только твои проблемы, а не мои. Да и вообще, мне плевать!

До крови прикусила губу, удивляясь вот такому мужику, «зарабатывающему» для своей семьи. Вместо этого он шастал по клубам, вел разгульный образ жизни, изменял своей жене, наплевав, что есть семья. Разве это нормально?! Уча-

щенно задышала, пытаясь прийти в норму, а потом поинтересовалась:

– Что же ты так подло поступаешь с женой? Изменяешь, гуляешь, а она с ребенком...

– Так ей и надо! Нечего было заставлять жениться! Мне эта блядь и не нужна была бы, да только у нее батя – участковый в нашей захудалой деревне. Ненавижу ее, как и ее родственничков. И, вообще, не тебе рассуждать, нищенке, что правильно, а что нет. Она все знает и не против. Главное, что зарабатываю для них, а на остальное ей плевать. Там зарплата нет. А Софка хочет жить хорошо, на широкую ногу. А ты всю жизнь так и будешь подыхать в своей нищете...

Сглотнула, всматриваясь в искаженное от ярости лицо молодого человека, чувствуя себя... просто ужасно. Надо же... еще от этого подлца гадости выслушивать приходится. Поднялась и, подойдя к нему вплотную, тихо сказала:

– Ты – ничтожество и мразь.

В следующую же секунду мою щеку обожгло огнем. Евгений с огромной силой ударил по лицу, отчего меня повело в сторону. Повернулась к нему, пытаясь осознать, что случилось, чувствуя, что во мне что-то надорвалось, выпуская всю боль из груди, осознавая, что сейчас расплачусь, так как слезы подступали, и хрипло произнесла:

– Почувствовал себя мужчиной?

После сказанных слов я направилась к двери, понимая, что такой человек, как Евгений, не успокоится, и сейчас еще

много чего «хорошего» услышу о себе. Он слишком гнилой чтобы повести себя достойно.

– Да ты, сука! Я мужик! Мужик, а ты никому ненужная оборванка...

Он кричал... кричал и тогда, когда выбежал за мной в подъезд, и в тот момент, когда я нажимала на кнопку лифта, чувствуя, как в груди все сжимается от боли, отчаяния и разочарования. В эту же секунду презирала себя, проклиная за то, что позволила такое отношение к себе. Да и от кого? От столь ничтожного паразита жизни.

Вошла в лифт, не скрывая слез, встречаясь с его глазами, наполненными яростью и презрением ко мне, и с отчаяньем прокричала:

– Вот увидишь, я добьюсь всего, чего достойна. Мы с ребенком будем счастливы! А ты... так и будешь... мразью...

Последние слова говорила закрытой двери, дрожа как в лихорадке, дыша с хрипами, понимая, что меня растоптали и унизили как никогда. А ведь так нельзя. Нельзя такое позволять никому. Нельзя!

Выйдя на улицу, совсем не почувствовала холода, заметив, что так и не застегнулась. Но сознание отбросило эту мысль прочь, и я продолжала идти, ничего не видя от слез.

Шум, крики... все сливалось в странный грохот в голове. Виски сдавило и перед глазами все плыло. Меня било крупной дрожью от истерики, сжимающей с ядовитой яростью каждую клеточку, и я... отпустила боль. Всхлипывая, зажи-

мала рукою рот, крича в ладонь, выла от обиды и пыталась заставить себя успокоиться.

Не помню, как шла. Все было словно в тумане. А потом яркое свечение, резкий, разрывающий тишину, скрежет шин, толчок и оглушающая боль.

Ничего не понимая, краем сознания заметила, как сливаются все краски в одну, образуя черную пропасть, и закрыла глаза.

Глава 1

г. Бердск

Ксения

Я стояла у колонны и наблюдала за общением изысканных дам, разговаривающих о моде. Они томно вздыхали, хвастаясь новой покупкой в несколько сотен тысяч, не зная, как переплюнуть одна одну. В них столько ядовитой радости и злорадства, когда у кого-то не так роскошно, как у них, что хочется скривиться и отойти. Чуть дальше в стороне беседуют двое мужчин в шикарных костюмах с безобразными фигурами. Их не волнует неприятная внешность, ведь они имеют счета в банках, как в России, так и за рубежом, что, по их мнению, полностью компенсирует любые недостатки. Сейчас я присутствовала на свадьбе дочери высокопоставленного чиновника, хоть невесту первый раз увидела всего лишь час назад, и то, догадалась что это она, лишь по роскошному белому платью.

Отметив, как мужчина в черном пиджаке все сильнее краснел и все больше заплетался в словах, скривилась и пошла в сторону лоджии, решив подышать свежим воздухом. Я не понимала себя. И зачем только явилась сюда? Ах да, как

же не присутствовать, когда получила приглашение от жены депутата. Приходится соответствовать занимаемому статусу. А то, что хочется убежать отсюда с каждой минутой все больше, это не в счет. Все равно особого выбора у меня не было.

Скучно. Мне всегда на таких мероприятиях скучно и неприятно. Очень ненавижу общество лицемеров, в котором вынуждена находиться практически постоянно, и при этом лучезарно улыбаться. Но потерпев еще немного, получу драгоценные бумаги на свою маленькую кондитерскую, в которую вложила свою душу, чтобы начать новую жизнь со своим сыном.

За три года, что я жила в Бердске, являясь женой, а уже как год вдовой Картунова Андрея Михайловича, до скрипа зубов презирала эту игру. Но тем не мене, не была готова отступить от задуманного, потому что мой мальчик достоин самого лучшего.

Мгновенно вспомнила события своей жизни, когда убежала от Евгения и меня сбила машина, за рулем которой сидел мой будущий муж. Тогда я была в плачевном состоянии, постоянно шепча про себя непонятные фразы, и теряя сознание. Так, как Андрей возвращался с мероприятия, на которое пригласил друг детства, в нетрезвом состоянии, рассчитывая, что в такое время никто не остановит, то решил пожалеть меня и помочь. Заодно, не нужно было вызывать полицию и ввязываться в разбирательство по наезду на пе-

шехода.

Да, вот так бывает. Скрученный, худощавый пожилой мужчина с дрожащими руками, решил помочь отчаявшейся девочке, преследуя свои странные интересы. Сказал, что поможет мне, если выйду за него замуж, и не буду подавать заявление в суд. Он предлагал фиктивный брак сроком на два года. То, что он не настоящий, должно держаться строго в тайне. Для всех мы должны выглядеть как счастливая семейная пара и этот ребенок его сын. Он признает его официально. Но также предупредил, что мой мальчик ничего не унаследует, только определенную сумму, так как у него есть родной сын, с которым он не общался уже много лет, и я согласилась.

Про Дмитрия, сына Картунова, ничего не знала. Даже фотографий в особняке не было, только из далекого детства. Как поняла, у отца с сыном получился серьезный конфликт, и Андрей Михайлович выгнал его не только из дома, но и города, выкрикивая проклятия и давая обещание, что если они и встретятся, то только на кладбище. Их ссора произошла примерно десять лет назад. Насколько знаю, на могилу Андрея Дмитрий приезжал, но до особняка не доехал, отправившись назад в свою Москву. У меня тогда очень сильно болел сын. Была пневмония. И я смогла только несколько часов побыть на похоронах. Всем другим занимался секретарь-адвокат моего мужа, Алексей. Поэтому с пасынком я так и не встречалась.

После смерти мужа, по письменной договоренности, брачному контракту и другим документам, необходимо было, чтобы Дмитрий возглавил семейное дело и аннулировал кредит, потраченный на кондитерскую. Еще мы с Сережкой получали квартиру, которую я уже обставила не только по своему вкусу, но и за свой счет. Если быть откровенной, мы уже там жили, хоть еще и не была поставлена подпись наследника на соответствующих документах. Она все равно наша, независимо ни от чего. А вот особняк душил меня, поэтому, как только прошел год после смерти мужа, быстро переехала с сыном в квартиру, изредка появляясь в доме Картуновых.

Если бы муж прожил еще несколько месяцев, то он бы сам подписал все документы и аннулирование кредита, как мы с ним и договаривались, но внезапная кончина изменила все планы. Мой срок увеличивался еще на год траура, чтобы поддержать статус скорбящей жены. И теперь бумаги должен был подписать наследник.

Все это время я и сын числились на содержании, притом деньги могли тратить только на вещи, салоны и развлечения, что жестко контролировал Тараканов, секретарь мужа. И вот срок прошел. Уже два месяца я полностью обеспечивала нас всем необходимым от доходов своей любимой кондитерской «Сладкоежка». Невозможно представить, с каким нетерпением ждала этого наследника, который не торопился в Бердск.

Не желая пребывать еще дольше в непонятном статусе, пустила слух, что Картунов оставил большие долги, которые перейдут его сыночку, и что я увлеклась покупками дорогостоящих украшений. Мои старания оказались не напрасны, неделю назад получила письмо, в котором говорилось, что Дмитрий посетит наш городок в конце недели. Еще мой обман помог отогнать всех любителей поухаживать за богатой вдовой. Да и приглашений на посещение благотворительных мероприятий и светских вечеринок стало меньше, что несказанно радовало. У меня есть куда тратить деньги и без этого.

Несколько слов о моей кондитерской. Когда еще муж был жив, понемногу откладывала деньги, выдаваемые для поддержки моего идеального внешнего вида, на свою маленькую мечту. Андрей Михайлович узнал об этом. Его секретарь не находил себе места чтобы подловить момент и наjabедничать на меня, и ему это удалось. Муж устроил разговор по душам и высказал свое недовольство. Он потребовал перестать складывать его деньги под подушку, ведь они выдаются на то, чтобы я выглядела на все сто, и ему завидовали, а на кондитерскую деньги он даст, но только в кредит, который будет полностью погашен, как только пройдет два года нашей совместной жизни. Если случится так, что до истечения срока действия договора его вдруг не станет, то срок автоматически продлевается еще на один год со дня его смерти. В общем, срок прошел, но появилась неприятность в виде огромной загвоздки – полное погашение будет толь-

ко тогда, когда его подпишет законный владелец, а именно Дмитрий Андреевич Картунов.

Тараканов за год обнаглел, нападая на меня со всех сторон, желая затащить в постель. Но это ему не светило. Никогда. Лучше быть одной, чем с противным наглым мужиком, напоминающим чем-то Евгения. Не добившись желаемого, секретарь по отношению ко мне и Сереже полностью изменил свое отношение. Он стал очернять меня, стараясь поддеть и обидеть, но я на это совсем не реагировала, что еще больше злило его.

Сейчас я была в предвкушении, еще немного и буду полностью свободна от всего. У нас с сыном будет новая замечательная жизнь без фальши, огромного груза в виде кредита и ненужных обязательств.

От воспоминаний о своих попытках связаться с этим отшельником, слишком занятым своим бизнесом, чтобы разговаривать с женой своего отца, становилось плохо. Он полностью игнорировал меня. Не только не просматривал мои сообщения, но и не отвечал на звонки. Целых два месяца полнейшего молчания. А ведь я так ждала и надеялась, ежедневно посылая электронные сообщения. Реакции никакой. А вот после слухов, что благополучно пустила папины денежки на разное барахло, сам связался со мной через секретаря.

Что могу сказать о предстоящей встрече с пасынком? Я боялась. Очень переживала, хотя внешне никак этого не по-

казывала. Насколько знала, характер у него взрывной. Даже наша экономка вздыхала, предупреждая меня быть с ним милой и доброй, чтобы встреча прошла спокойно, и он все подписал.

«Конечно! Я буду самой ласковой, почтительной, очаровательной мачехой на свете! Только бы он подписал бумаги на погашение кредита и переход квартиры в мою собственность, чтобы наконец-то стать свободной. Если понадобится, могу рассказать душераздирающие истории про нежную любовь с его отцом, чтобы сынок порадовался за родного человека. Буду самой дружелюбной, главное – недолго. Не люблю играть в такие игры, да и характера не хватает так унижаться».

Странно, но за время общения в богатом обществе, где каждый старается унижить, а от твоего поведения зависит обеспечение родного ребенка, очень быстро учишься искусственно улыбаться. Хотя нет, я это делаю так, что все в курсе о том, что думаю и считаю. Не получилось у меня освоить эту волшебную науку быть со всеми невероятно доброй и лучезарной. Вытерпев за годы детства столько унижений, грязи и ярлыков, не позволяла себе опускаться до лжи и давать некоторым личностям обижать себя. Совсем по-другому встречала препятствия, полностью подстраиваясь под новую жизнь. Если первое время я молчала, то потом поняла, что лучше быть акулой, чем рыбой, и тогда тебя не трогают, чтобы лишний раз рот не открывала. Когда мой бизнес по-

шел в гору, с гордостью поняла, что могу всего добиться сама, чувствуя уверенность и зная себе цену.

Где-то в душе, ненавидела себя, но не могла сдать отвоеванных позиций. Слишком сильно меня давили и унижали раньше, чтобы пасовать сейчас, когда подвернулся шанс, и я уже многого добилась. Тем более у меня есть сын. Сергей. Мой мальчик. Моя гордость. Ему два года и пять месяцев. Никому Сережку не показывала, не желая, чтобы он рос в такой гнилой обстановке, что окружала меня. Он слишком дорог мне, чтобы я так поступила. Рядом с сыном была другой, а если видела опасность, представляла собой не то что акулу, а ядовитую змею. Своего ребенка я никогда никому не позволяла обижать, даже не допускала такой вероятности. Обеспечивала всем и заботилась о его нуждах. В мире фальши, хищных улыбок, вынужденных фраз нет места чистоте. Поэтому свою личную жизнь и то, что дорого мне, тщательно скрывала. Обо мне никто ничего не знал, а если появлялось желание, я помогала с ответами всем любопытным, чтобы вопросов больше не возникало.

Увидев престарелую даму, сидящую на диване, лениво и с пренебрежением смотрящую на всех, вспомнила мать. Не ей же вспоминать обо мне. Помню, когда позвонила ей и сказала, что меня сбили, и я в больнице, а также просила собрать мои документы и отдать человеку, что придет за ними, Лариса Викторовна накричала на меня, обзывая последними словами, и сетуя о том, что кто теперь будет зарабатывать,

ведь она очень сильно болеет. Больше я не возвращалась к ней и даже не навещала. Вскоре через знакомую женщину узнала, что мать нашла выход – обменяла квартиру на однокомнатную, и спокойно жила, пользуясь деньгами, которые ей заплатили за лишние квадраты. Было обидно. Раньше она о таком и не думала, а когда осталась одна, согласилась для собственного благополучия.

Меня до дрожи возмущал тот факт, что она даже не подала запросы в полицию, не поинтересовалась где я, что со мной. Она не сделала ничего, как будто меня и вовсе не было. Ее волновало только собственное благополучие, и она нашла выход. Было обидно до слез. И я больше не общалась с ней. Пусть подло, пусть я плохая дочь, но зачем навязываться и пытаться заставить себя полюбить, если совсем не нужна?

Но чтобы я не говорила, когда она попала в больницу, оплатила лечение. Не выдержав, после операции позвонила ей и услышала, что она будет рада ежемесячным поступлениям от меня, что у нее все хорошо, и чтобы я сидела там, где есть деньги, и помогала ей. Вот так. Чего и следовало ожидать.

Оказавшись на лоджии, мгновенно почувствовала ледяной пронизывающий мороз, радуясь, что у меня закрытое платье, и устремила задумчивый взгляд на прекрасный вечерний сад, освещенный светящимися гирляндами. Было так чудесно, как будто находилась в волшебной сказке. Засмотрелась, и поэтому вздрогнула, услышав позади себя:

– Скучаешь?

Повернулась и встретила с темно-кариими глазами высокого, крепкого bruneta, поражающего своей мощью и силой. На скидку дала бы ему тридцать лет, но возможно, и больше. Огромный – это как раз про него. Уверена, он спортсмен, занимающийся тяжелым видом спорта.

Первый раз видела такого мощного представителя мужского пола в столь скучном обществе. Его стильная одежда, дорогие брюки и серая рубашка совсем не шли ему, было такое ощущение, что его так и подмывает содрать с себя эти тряпки и надеть что-нибудь легкое, например, спортивные штаны или джинсы.

Мгновенно подумала о том, что у меня уже три года не было интимных отношений. Да уж... как все плачевно. И, главное, вспомнила о столь печальном факте только когда увидела этого МУЖЧИНУ. Даже не знала, что такие громадные бывают. А про то, что нет любовника – статус и пунктик в договоре не позволял, хотя уже как два месяца выполнила все требования и была свободна от навязанных обязательств. Но где же найдешь нормального?

Вздыхнула, понимая, что не выход искать партнера здесь. Глупо. Да и не умею я знакомиться для личных отношений. Общаться общаюсь с мужчинами, особенно по работе, но это другое. Совсем другое. Про знакомство в элитном обществе ничего не говорю. Игнорирую любые посягательства в мою сторону. Помню, уже на кладбище, только похоронив мужа,

когда собралась уходить, услышала разговор двух важных дам, обсуждающих, кто первый из альфонсов начнет подходить к вдове, чтобы вытянуть денежки Картунова. Это задело. И поэтому совсем перестала реагировать на обворожительные комплименты и предложения, считая их корыстными, и не желая тратить свое время на недостойных. Тем более денег мужа у меня не было. Еще есть молодые парни из института, где уже третий год учусь заочно, но вот как-то желания не было.

– Нет, – сухо ответила, не желая продолжать разговор.

– Могу сделать так, что забудешь про скуку, – нагло заявил он хриплым голосом, намекая на секс.

Поразительно. Вот мужчина! И что, по его мнению, я должна мгновенно согласиться и ублажить прямо здесь?!

– Подрабатываете клоуном? – поинтересовалась, делая глоток отличного шампанского, рассуждая, что в принципе уже можно отправляться домой.

Мужчина удивленно поднял бровь, давая понять, как я не права в своих суждениях, и выдал:

– Нет, а что похож?

Он не сказал, а прорычал. Медведь. Честное слово. При том плотоядный, если судить, как он на меня смотрит.

– Нет, – сухо ответила и отвернулась, чтобы не рассчитывал, что хочу дальше общаться. Я не напрашивалась на знакомство, что можно было расценить как намек, раз нахожусь здесь в одиночестве. Понимаю, если бы заигрывала с

ним или стреляла глазками, но у меня нет такой привычки.

– Я профессиональный боксер, – выдал он мне, оказавшись рядом, облокотившись о перила. Весь такой наглый и огромный, пугающий своими размерами и мощью. Замечая, что молчу, решил рассказать больше о себе, чтобы заинтересовать корыстную сущность во мне, вдаваясь в ненужные подробности: – Сейчас редко участвую в боях. Есть свой охранный бизнес.

Все! Очевидно, это самые важные слова для женщины. Вполне возможно, он рассчитывал, что я сейчас должна залезть на него как макака, обхватывая ножками, желая спариться?! Нет, думаю, перед этим нужно выпросить шубу или ожерелье, а потом расплатиться в постели, не снимая подарка, чтобы показать, насколько довольна и благодарна. Вот же логика!

– Рада за вас. Боксом не интересуюсь, – с самым прискорбным видом сообщила ему, чтобы боксер знал, как мне тяжело пережить такой край своих надежд.

– Ах да... тряпки, деньги и богатые спонсоры? – лениво уточнил хам, окидывая меня голодным взглядом, от которого стало не по себе.

«Так, все, хватит. Пообщались культурно и достаточно. Мне уже к сыну нужно, а не выслушивать причины, почему женщина может отказать».

Ядовито посмотрев на него и, сделав глоток шампанского, поставила бокал на каменный подоконник, в полной уверен-

ности, что официанты уберут, проинформировала спортсмена:

– Будьте уверены, я бы с вами... и за миллионы не легла.

Мужчина нахмурился и вопросительно поднял бровь. Кстати, совсем не красавчик. Обыкновенный. Нос сломан, на лице шрам небольшой столетней давности. И взгляд... прожигающий, немного кровожадный, свирепый.

– А что так? Между прочим, ты вот как раз в моем вкусе. Правда характер не нравится. Люблю хороших и послушных девочек, – услышав, тут же скривилась, даже не сомневаясь в его словах, – Если нужно, дорогими тряпками и деньгами обеспечу. Всем. Я здесь на несколько дней, могли бы замечательно провести время, пока буду заниматься решением своих вопросов.

«Вот наглец!»

Подошла ближе и, убрав несуществующие пылинки с его мощной нереально широкой груди, состоящей из одних мышц, любезно пропела:

– Никогда... Понятно?!

Только развернулась к нему спиной, собираясь уйти, как мгновенно оказалась прижата к груди, а сильная рука обхватила талию, почти вбивая меня в мужчину. Он поднял рукой мой подбородок, наклоняя ближе к себе, и гневно шипя:

– Не стоит так резко, красавица. Не люблю в свой адрес грубых слов... тем более от маленькой девчонки, обыкновенной содержанки. Обычно за меньшее убиваю.

Сглотнула, понимая, что сделала серьезную ошибку. Нужно было сразу уходить. Дернулась, но бесполезно. И зачем я с ним заговорила?!

– Руки уберите! – гневно выдала, чувствуя, как боксер сжал талию и нагло провел рукой по бедру, а потом отпустил, с ухмылкой заявляя:

– Поверь, мы еще встретимся. Я тебя везде найду. Так что жди.

Повернулась к нему, желая сказать много интересного, но, замечая, что он приготовился к этому, прямо ожидает, любезно улыбнулась и пошла на выход. Уже у двери, держась за ручку, чувствуя себя уверенней, ведь уже вне его досягаемости, улыбнулась и прошептала:

– Недоделанные качки не в моем вкусе, так что – УВЫ, советую искать любительницу протеинов, тогда, может, повезет, и она поведется на ваши деньги.

Ярость, гнев, обещание расплаты, все эти эмоции за секунду промелькнули на лице мужчины. Он озверел на глазах, желая кинуться на меня, что абсолютно не входило в мои планы, и я резко рванула с балкона и закрыла дверь. Быстрым шагом побежала в сторону лестницы, ставя себе галочку ближайшие дни никуда не выходить, чтобы не встретить этого амбала. Одного раза достаточно!

Оказавшись на улице, после того как дрожащими руками приняла шубу от гардеробщицы, все равно не могла успокоиться. Не верила, что этот мужик посмеет меня искать.

Обычно все убегают, а этот... странный. Нет, нужно взять себя в руки и забыть встречу, как страшный сон.

«Так и сделаю, как только окажусь дома, и обниму своего мальчика!»

Глава 2

На следующий день, когда на часах показывало без пяти два, стояла в светлой кухне своей кондитерской и любовалась настоящим шедевром – невероятным трехслойным тортом на свадебное торжество. Он на вид был такой снежный и морозный, что казался сделанным из чистейшего снега, и все благодаря декору из сахарной рябины. Торт покрыла мастикой, со всех сторон украсив белоснежными веточками листьев и кисточками рябины. На верхнем корже восседали две фигурки шикарных красногрудых снегирей.

Это свадебное чудо мы с Надей готовили трое суток. В первый день пекли коржи с начинками, которые выбрала невеста, оставляя их на ночь, во второй день прослаивали их кремом, вновь отправляя в холодильник, чтобы хорошенько пропитались, а вот уже на третий, именно сегодня, украшали. И уже через час курьер отвезет по адресу двенадцать килограмм нежнейшего угощения.

Повернулась и посмотрела на Надежду, красивую и милую блондинку, два года работающую у меня вторым технологом. Кротова – замечательная, талантливая девушка и трудолюбивый работник. Ей, как и мне, двадцать четыре года, и характерами мы с ней очень похожи. Хотя нет. Сейчас я стала другой... жестче, но меня жизнь хорошо потрепала,

прежде чем пришла к этому.

У Надежды все не так: заботливые родители, серьезный молодой человек и любимая работа. Конечно, были проблемы, сразу после окончания техникума, но она их преодолела. Чтобы не сидеть на шее у родных, она захотела устроиться на работу, но нигде не брали без опыта, а я рискнула и взяла, чем до сих пор довольна. Надя для меня не только сотрудник в чудесной кондитерской, но и лучшая подруга. Ближе никого нет. И мы вместе с ней творим шикарные торты, поэтому у нас всегда очередь из заказов. Я до четырех всегда нахожусь здесь, а потом уже уезжаю по делам и к сыну. До этого времени с ним сидит Вера Петровна. Очень добрая и чуткая женщина, которой полностью доверяю, отмечая ее профессионализм и поистине настоящую любовь к детям. В садик нас обещали взять в сентябре, как раз будет уже три года, а пока мы дома.

Выдохнув, воодушевленно поинтересовалась:

– Срочное есть? А то обещала Сереже покататься на горках и зайти в зоомагазин. Мы там часами стоим, любимся.

– Может, тогда стоит купить зверюшек или рыбок домой? – со смехом предложила она.

– Нет, лучше еще постоять столько же. Так что?

– Три срочных заказа за час. Но... я могу сама. Тем более Катя очень хорошо помогает, правда у нее все летит из рук, что ее расстраивает, но думаю, через месяц она уже полностью освоится.

Екатерина – наша помощница на кухне, пришла к нам недавно. Мировая и веселая активистка. Еще есть Ольга, темноволосая красавица с канапушками, работающая на кассе и в зале. Вежливая, милая и приятная, способная преподнести любую информацию о выпечке так, что покупатель моментально желает приобрести и узнать, так ли это вкусно на самом деле.

Не знаю, почему, но мне невероятно повезло с девочками. Мы одна дружная, сплоченная команда, и, вероятно, поэтому у нас хорошая репутация в рейтинге лучших кондитерских. Здесь – я дома, отдыхаю душой, наслаждаясь каждым мгновением, заряжаясь волшебной энергией на весь день.

– Какие? – уточнила, направляясь к плите, где на подносе остывал чай, а на тарелочке лежало два капкейка. Надя их красиво оформила. Думаю, Сереже понравится. Огурчик и Спыш – любимые герои мультиков моего мальчика, поэтому точно знаю, что сын съест все, стоит только увидеть любимых персонажей.

– Два тортика девочкам: барби и литл пони. Семь и пять лет. Один торт для мальчика с Ноликом.

– Тогда вы для девочек, а я за фиксика, – весело сказала, тут же поблагодарив: – Спасибо за красоту!

– Не за что! Главное, чтобы наш красавчик все съел, – произнесла Надежда, вновь посматривая на торт, между делом добавляя: – Возможно, и мне такой через несколько месяцев понадобится.

Удивленно ахнула, останавливаясь, и весело поинтересовалась:

– И мне ничего не говорит! С Егором все так серьезно?

Она кивнула, скромно улыбнувшись, отчего стали заметны ямочки на щеках, а потом нахмурилась и добавила:

– В общем, Егор только об этом и говорит, его родители настаивают, мама поддерживает, а вот мой отец против, считая, что Петрушин сноб и мне нужен настоящий мужчина. Но моему отцу, полковнику в отставке, никто не нравится, кроме военных, а с Егоркой мы встречаемся уже два года. Он у меня стоматолог.

– Смотри сама... – прошептала, считая, что не могу давать советы в таких делах. Опыт у меня ужасный. – В любом случае я сама тебе сделаю торт, и он будет невероятным. Обещаю.

Надя скромно улыбнулась и прошептала:

– Спасибо. Ты замечательная!

– Сплюнь, – весело проговорила и пошла к сыну, сидящему в моем кабинете на бежевом диванчике. Играя с машинками, и громко разговаривая за них он был полностью в своем мире.

Темноволосый, кудрявый, кожа чуть смугловатая, глаза огромные, голубые – красивый мальчик. Мой! Самостоятельный парень, сам себе одежду выбирает, приучила, поэтому сейчас был в черных брюках и бежевом свитере. Маленький кавалер.

– Привет, – проговорила, поставив поднос на журнальный стеклянный столик, предлагая ему: – Давай перекусишь немного?

– Мама, мы же кушали недавно, – протянул малыш, выпячивая нижнюю губу, не желая отвлекаться от машинок. И действительно, обедали не так давно, но прошло уже два часа. Значит, проголодался.

Улыбнулась. Ровно в два года Сережа начал чисто говорить предложениями, чему я была очень рада. Думала, что позже будет, но сын удивил.

– Так я переживаю, что ты голодный у меня будешь. Ты только подумай, что я буду делать, если у тебя животик заболит? Плакать только, и ты со мной рядом, – проговорила, стараясь не смеяться, наблюдая, как он хмурится, решаясь, съесть или не съесть. Сережа с интересом поглядывал на красивые капкейки, поэтому решила сказать последнее, что его точно убедит: – Тем более мы скоро пойдем кататься на горку, и тебе нужны силы. Если упадешь, то ведь не сможешь подняться по лестнице. А я видишь, маленькая, и не смогу тебя донести. Будем там сидеть, или лежать, сожалея, что ты не перекусил.

Сережа нахмурился и со вздохом произнес:

– Ладно. Съем один, но только чтобы ты не плакала.

– Умничка, – выдала, уже не скрывая улыбки, и отмечая, что, отложив игрушки, сын подтягивает в свою сторону поднос, попросила: – Только руки помой, пожалуйста.

– Помню я про эти микробы. Помню, – пролепетал он с умным видом и пошел в соседнюю подсобку, где была небольшая ванная комната.

Я тем временем искала в шкафчиках варенье, зная, что после прогулки, непременно нужны будут другие, так как первые намокнут. По-другому мы не умеем.

Только Сережа сел чаевничать, как зазвучала музыка на моем сотовом. Быстро схватила телефон и, заметив, что это Алексей звонит, скривилась, тут же недовольно отвечая:

– Слушаю.

– Чтобы сегодня была в доме. Приехал Дмитрий и сказал, чтобы явилась. Так что бросай свои булочки и приезжай в особняк, где и должна быть, – резко выдал он, отчего захотелось бросить трубку.

Посмотрела на сына, с каким он удовольствием уплетает угощение и, прошептав, что на секунду отойду, вышла в коридор.

– Когда он приехал? – уточнила, пропуская ненужные слова, о чем он обычно в курсе.

– Не твое дело! Главное, что приехал и хочет с тобой поговорить. Пока он уехал по делам и будет неизвестно когда. Кстати, наследник был недоволен, что ты с сыном проживаешь не в доме отца. Так что будешь объяснять, что и как. Все хорохоришься, а ведь должна бегать и вилять хвостом, ожидая своего благодетеля, и не язвить мне, – с ехидством процедил Тараканов, так и, желая, чтобы я его «приласкала».

Этот мужик не может жить спокойно, ему нужно, чтобы его в стенку «комплиментами» отбрасывали.

– Я занята, и мне нужно знать конкретное время, – недовольно проговорила, мечтая поставить этого выскочку на место. Как же он меня раздражал. Даже не описать словами. Настоящий вампир, высасывающий мои нервы и энергию. После разговора с ним настроение стремительно катилось в пропасть. Бывают же такие люди.

– Ты обязана жить здесь! А ты... со своим...

– Сергеем, сыном Андрея Михайловича, – грубо поправила адвоката, в последнее время начинающего раздражать своими намеками, что мой мальчик никто и звать его никак. Ничего подобного! По закону – сын, и Картунов признал, а давать в обиду своего ребенка всяким паразитам была не мера.

– Конечно... с Сергеем, – исправился он, успокаиваясь на секунду, а потом рывкнул: – Ты должна жить здесь!

– Уже два месяца никому ничего не должна! – гневно сообщила, удивляясь его требованиям. Да какое он имеет право мне указывать?! Ведь лучше всех знает, что я выполнила все обязательства, и теперь только жду пасынка.

– Дмитрий Андреевич пока ничего не подписал, и я думаю, он очень недоволен тем фактом, что жена его отца позволила себе вольность, и без его ведома заехала в собственность Картуновых.

– А что, ты уже успел очернить и пожаловаться на меня? –

любезно поинтересовалась, зная, что он только этим и занимался. Наверняка легенды обо мне слагал. Сволочь, а не мужик.

– Естественно! Еженедельно посылал ему письма с полным отчетом твоего неподобающего поведения. Правда, Дмитрий ни на одно не ответил, но уверен, что он читал их. Ведь я адвокат Андрея Михайловича! Поэтому он в курсе, какая ты стерва.

Даже скривилась, поражаясь его злорадству. Плевать. Я никому ничего не должна. Что была должна, выполнила! Теперь дело за малым – подписью.

– Ты не представляешь, как расстроил меня. Даже не описать, насколько я огорчена и подавлена, что он такого плохого мнения обо мне, – сфальшивила, считая, что нужно заканчивать разговор.

– Ксюша... давай мы с тобой нормально...

– Ксения Николаевна, – поправила Алексея Алексеевича, не желая слушать, что он там мне решил предложить. Да я буквально заставляю себя брать трубку, когда вижу его имя, надеясь услышать хорошую новость о приезде Дмитрия, а он вечно разглагольствует не по теме.

– Я тебе позвоню, когда выезжать, – со вздохом проговорил адвокат, намекая, что со мной бесполезно говорить. Да пожалуйста, я бы совсем ограничила наше общение, контактируя его лишь через сообщения. – Жди звонка! И... чтобы с сыном была!

«Чего?! Зачем водить моего мальчика в этот дом?!»

– Зачем с сыном? – грубо уточнила, с яростью сжимая трубку.

– Потому что это сын Картунова! – с откровенной издевкой в голосе заявил Алексей, отчего скривилась, соглашаясь, но не понимая, зачем его показывать наследнику, которому плевать на наследство и все с ним связанное. Очевидно, деньги у него есть свои, раз не явился сразу, так что ему без разницы.

– Хорошо, за час предупредишь.

– Да, и надеюсь, выглядеть будешь как жена богатого человека, а не как нянька.

– Я всегда выгляжу шикарно, – незамедлительно процедила, не понимая, с чего такие выводы. Мне совершенно приемлемо, если у себя дома в одиннадцать часов вечера я не бегаю в вечернем платье. Это совсем не означает, что я нянька. Это как раз свидетельствует о том, что собираюсь спать, и недавно уложила сына. У меня есть нянечка, но вечером она уходит домой, или когда ей это нужно отлучается по своим делам. Например, сегодня, ведь скоро Новый год и ей нужно приобрести подарки своим уже взрослым детям, поэтому отпускаю по ее просьбе и смотрю за сыном сама.

– Когда мужчина приходит к шикарной женщине в гости поздно вечером, она всегда должна быть обольстительна и желанна! – нравоучительно произнесли мне.

– Вот именно... мужчина! Такие ко мне в это время не

приходили, но как явятся, обязательно буду готова. Так что вопрос закрыт. Заранее благодарю за будущий звонок, – проговорила и отключилась, предоставляя возможность Тараканову проскрипеть зубам. Тоже мне нашелся знаток женщин.

Успокоившись, вернулась к сыну, отмечая, что он уже принялся за второй капкейк, и довольно сказала:

– Молодец! Сережа, ты доедай и играй, а я ненамного отойду, хорошо?

– А какой торт будешь печь? – любопытствовал он, откусывая кусок лакомства.

– Это огромная тайна, но тебе, как любимому медвежонку, по секрету скажу. Или, давай лучше как украшу, то покажу?

– Ага, – с придыханием ответил он, тут же уточняя: – Ты же доброму мальчику отдашь тортик?

– Конечно, только самому доброму!

– Тогда я приду, – проговорил он с полным ртом, полностью запихнув весь оставшийся кусочек. Погладила его по волосам, не представляя, как жила без него, и пошла в кухню.

По дороге думала о встрече с Картуновым. Надеюсь, Дмитрий явится только к вечеру, чтобы я все успела. И самое важное, очень хотелось, чтобы подписание документов прошло быстро и приятно.

«Так и будет! Уверена, столь занятому мужчине тоже хочется поскорее решить все вопросы и вернуться в свою

Москву. Так что встреча должна порадовать!»

Глава 3

В шесть часов вечера у нашего дома стояла машина Картуновых. Как оказалось, сам Дмитрий Андреевич послал за нами транспорт, желая, чтобы тотчас явились. Этот момент заставил заподозрить, что что-то не так. Мы в это время отдыхали в своей квартире, как раз только поужинали. Мгновенно натянув брюки и свободную кофту из белоснежной шерсти, быстро привела себя в порядок. Упаковав сына в теплый комбинезон, натянув на голову шапку, не забыв обвязать шарфом, отправились в особняк.

В дверях нас встретила Елена, нянечка, стерва, каких свет не видывал. Я и рядом не стояла. Завистливая ведьма с фигурой модели. В первую очередь съехала отсюда потому, что не устраивало, как эта женщина смотрит за моим ребенком. До сих пор удивительно, почему она чувствует себя здесь полноправной хозяйкой?! Уверена, потому что имеет отношения с Таракановым, если судить по нежным обращениям, которые она позволяет себе в его сторону.

– Мальчик очень тепло одет. Совершенно не знаете, как ухаживать за детьми, – воскликнула она с таким видом, будто я плохая мать, и даже не притронулась к Сергею. Такая песня происходит всегда, стоит только мне появиться здесь с ребенком.

– На улице тридцать градусов мороза. Он нормально одет, – рывкнула и тут же подошла поближе, чтобы Сережа не слышал, выдавая ей на ухо: – Если сын расскажет мне нелестные комментарии в мой адрес, все же приобрету ядовитую змею и подкину этому недоброжелателю в постель. Уже присмотрела одну.

Молодая светловолосая женщина, представляющая собой тростинку с выпирающими достоинствами, скривилась и только хотела ответить, как я повторила, делая паузы:

– Хоть одно... неправильное слово и с меня подарок. Понятно?

– Я никогда себе такого не позволяла! – завизжала она, поправляя свое обтягивающее серое платье по колено.

– Рада за вас, если это так, а также за свой бюджет. Самые ядовитые очень дорогие, – просветила женщину и, повернувшись к нахмурившемуся сыночку, сдерживая порыв сгрести его и сбежать из этого места, спокойно проговорила:

– Сережа, мы ненадолго, а потом с тобой поедem домой, и будет играть... Хорошо?

– В черепашки ниндзя? Тогда я с Рафаэлем! – счастливо воскликнул он.

Чуть не застонала. Уже сто раз пожалела, что купила всю серию этих черепашек. Ну а что поделать?! Сын ведь, а не дочь. Мне, конечно, хотелось бы играть в барби, ходить в гости и пить чай, танцуя в шикарных платьях на балах, но нет, мы отчаянно спасаем мир от мутантов-кабанов, носорогов,

ну и всех остальных.

– Я с Микеланджело, – согласилась, не забывая при этом добавить: – Ты только няню слушай. Хорошо?

– Но с ней не интересно, мам, – обиженно поделился он, и я сразу же посмотрела на возмущенный взгляд Елены, не ожидающей, что про ее светлость такое могут сказать. Но ничего, ей полезно знать, что дети не испытывают восторга от ее заботы. Не понимаю, как при ее стервозности она решилась на такую профессию.

– Надеюсь, вы сможете заинтересовать ребенка?! – прищурившись, уточнила, без прикрас ставя ее на место.

– Да я...

– Вот и отлично. Я проверю.

Села на корточки и нежно провела ладонью по голове сына, заверяя его:

– Сереженька, води себя хорошо. Мама решит все вопросы и сразу придет за тобой.

– Обещаешь? – обижено пробубнил сын, обнимая меня за шею.

– Да!

С тоской смотрела, как няня ведет моего мальчика по коридору на второй этаж в детскую комнату, а он все поворачивался, надеясь, что заберу его.

– Я быстро! Послушай сказки, – выкрикнула, и тут же застыла, чувствуя неприятный запах туалетной воды Тараканова. Не поворачиваясь, зная, что это только он имеет такой

отвратительный вкус, заметила:

– Алексей, я понимаю, почему вы такой невыносимый и дотошный мужчина. Вы обижены на женщин, сбегаящих от вони вашего аромата.

Послышалось, как клацнула его челюсть. Ничего, я от него и не такое слышала. Пусть принимает свою же пилюлю. Полезно.

С шикарной улыбкой повернулась к Тарakanову, замечая, с какой яростью он сжимал руки в кулаки, жадно шаря по моему телу. Дала несколько секунд полюбоваться, а потом добавила:

– Если вы закончили, можете закрыть челюсть, и мы пойдем на встречу с Картуновым.

Мужчина сразу очнулся и вместо похоти, так раздражающей меня, в глазах появилось бешенство.

– Уверяю, мне нравятся достойные женщины, а не уличные отбросы, – процедил он, поправляя дорогой пиджак черного цвета, нервно дергая фиолетовый галстук.

– Рада за вас, но уверена, что они таких эмоций по отношению к вам не испытывают.

– Не стоит быть со мной такой стервой. Я могу тебя уничтожить, а могу сделать так, что ты будешь жить как царица. Все зависит от твоего поведения.

– Прости, платочек забыла, не могу всплакнуть от радости, – парировала, даже не задумываясь, что говорить. За три года в этом доме, после нескольких месяцев ощущения, что

я ничтожество, о чем он шипел мне на каждом углу, научилась мгновенно отвечать, не давая себя в обиду. Тараканов получил то, что хотел. Но вот теперь Алексей не очень доволен столь резким переменам в той, которую считал мышью.

– Я могу все...

– Поверю на слово. Где Дмитрий Андреевич? – уточнила и, заметив, как он заострил внимание на двери кабинета, устало улыбнулась и произнесла:

– Спасибо.

Не прошла и трех шагов как услышала позади себя:

– Кстати, я бы так не радовался. Ты еще не знакома с сыном Картунова, и не знаешь, какой он бешеный. Особенно, когда понимает, что его пытаются обмануть. Предлагаю тебе свою помощь, чтобы я сам решал все вопросы, а ты...

Развернулась и любезно сообщила:

– Спасибо. Обойдусь без щедрости.

Стук шпилек моих сапог так и отдавался в ненавистой тишине особняка. Как же я не любила этот дом, и всю его обстановку. Да что тут можно вообще любить?! Даже воздух пропитан злостью, фальшью и завистью.

Уже у двери меня догнал Тараканов, и, пройдя вперед, нагло отодвинул в сторону, желая зайти первым. Очутившись в кабинете мужа, который этот год занимал только Алексей, чувствуя себя хозяином, мужчина произнес:

– Дмитрий Андреевич, прибыла вдова вашего отца.

Прошла вперед и остановилась как вкопанная, замечая,

что за столом сидит вчерашний обнаглевший боксер, с яростью глядевший на меня, и, желая уничтожить. Даже задохнулась от его «доброго» настроения ко мне. Это же надо. Как такое возможно?! Почему именно я с ним столкнулась на свадьбе?! Зачем он подошел ко мне?

Невозможно такое совпадение! Значит, он знал, кто я, специально явился и хотел проверить. Смотрю, не из робкого десятка, наглость – второе счастье. Подавила в себе взрывные эмоции, чтобы не сказать все, что думаю, и мгновенно пришла к выводу, что нужно ответить той же монетой. Буду страдать старческим склерозом, и, вообще, забуду о нашей встрече. А что, вдове можно! Еще в трауре... специально для этого хитрого, надменного пасынка.

Вновь отметила, что мужчина – невероятный громила. Но это неважно. Насколько помню, Андрей Михайлович говорил, что сын старше меня на шесть лет. Выходит, ему тридцать. И к тому же, как выяснилось, он спортсмен и имеет охранный бизнес.

Спокойно посмотрела на него, игнорируя презрение и злость, и громко выдала:

– Добрый вечер, Дмитрий Андреевич. Я Ксения, вдова вашего отца. Буду рада, если вы подпишите бумаги, и я уеду домой, чтобы не мешать и не задерживать вас.

Картунов на секунду обомлел, очевидно, ожидая моей истерики, или, наоборот, резкой перемены, что брошусь ему на грудь, выкрикивая: «Родненький мой, прости меня и спа-

си!». Конечно. Спешу и падаю.

Подняла бровь, намекая, что пора бы уже ответить, на что он повел челюстью, что смотрелось очень грозно, и сухо отчеканил:

– Добрый вечер, Ксения. Если проблемы с памятью, то напомним, что вчера уже познакомились. А второе, я не собираюсь ничего подписывать.

Пораженно застыла на месте, пытаясь принять его слова. Все благие мысли улетели в сторону. Что значит, он не будет подписывать?! Наследник обязан по договору выполнить все обязательства!

Повернулась к Алексею, чтобы он, как адвокат, подтвердил слова покойного, но мужчина не скрывал своего злорадства, приподняв бровь. То есть поддержки не будет? Как так?! Ведь есть брачный договор и письменные заверения. Что творится?

Вновь посмотрев на Тараканова, отмечая на его лице радость и предвкушение, отвернулась. Сволочь! Все мужики сволочи. Закусила губу, чтобы сдержать порыв ярости, и заострила внимание на наследнике, ожидающего представления, если судить по прищуре глаз. Распрямила плечи и резко отчеканила:

– На каком основании? Как я понимаю, вы идете против воли отца, и договоренности, подписанной три года назад в здравии и в трезвом уме?

– Сомневаюсь, что в здравии и трезвом уме, если решил

оставить беременной девчонке сумму в два миллиона на несчастное кафе, при этом оплачивая ее учебу и обеспечивая чужого ребенка.

Сказать, что это был шок, ничего сказать. Мгновенно во мне вспыхнуло все: негодование, ярость, гнев и злость. Сердце остановилось и вновь заработало, выдавая мощный толчок, отчего грудную клетку охватила боль. Вздохнула и прорычала:

– Сергей – сын Андрея Михайловича по его желанию! Есть свидетельство о рождении. А по поводу ваших претензий... есть брачный договор, заверенный нотариально.

– Читал, но там нет ничего в вашу пользу! После нашей встречи я досконально изучил все документы, и утром уточнил данный вопрос с адвокатами и нотариусом, – нагло заявил он, хищно вглядываясь в мои глаза, с таким превосходством, что хотелось заехать по его лицу. Но это отходило на второй план, главное, я не понимала, почему он лжет. Ведь я читала все документы! Там четко прописаны важные для меня моменты. Пока лихорадочно вспоминала, услышала: – У меня есть все основания считать этот брачный договор глупым розыгрышем. Могу точно сказать, что моего отца ввели в заблуждение именно вы – лицемерка и содержанка. И пусть он повелся, но понимал, что поступил неправильно, поэтому поставил главное условие – подпись наследника, зная, что я все проверю и не допущу такую ошибку. Завтра мои адвокаты...

Не слушала... Не могла. В голове стоял шум, виски сжимало от жестоких, лживых слов. В одно мгновение почувствовала себя ничтожной, маленькой девочкой, которую можно было унижать только за то, что ее мать не пыталась жить лучше, плывя по течению, а вместе с нею и я жила в аду. Да, вернулась в то время, когда были только мои слова и невыносимая, унижающая нищета. А сейчас, когда я многого добилась с поддержкой Картунова, меня хотят лишить всего. Всего! Но как так, ведь я выполнила все, что положено по договору?! Этого не может быть!

Сглотнула, сдерживая порыв закричать. И понимая, что гневно сотрясать воздух бессмысленно, решила нанять специалиста, чтобы мне помогли с этим жестоким недоразумением. Даже не хотелось думать, что будет в том случае, если не смогу ничего доказать.

Встретившись с темно-кариими глазами, излучающими ярость и искреннее презрение, что стало не по себе, сухо выдала:

– Поняла вас. Тогда завтра... я переговорю с адвокатом и подам исковое заявление, – обида подступила к горлу, и я поспешила повернуться к двери, добавляя в неизвестность: – Всего доброго.

Прошла несколько шагов и застыла на месте, слыша в спину:

– Я еще не закончил разговор.

Повернулась, отмечая, как огромный мужчина встал и

расправил широкие плечи, отчего стал похож на огромного, опасного медведя.

Да не на медведя, а на сволочь он похож, который хочет лишить меня и моего сына всего! А это нечестно! Нечестно...

Сережа. Как же мы с ним? Нет, я не сдамся. Чтобы там Дмитрий не придумал с этим адвокатом, я докажу, что все не так. Я все честно выполнила и жду ответных действий, а не того, что происходит...

Нас хотят лишить всего...

Даже окоченела от этой мысли. Было нестерпимо думать, что мой малыш окажется в тех же условиях, что и я.

Нет, не окажется! Я не моя мать, и не дам нам скатиться в пропасть. Я сделаю все, чтобы найти выход, чтобы жить, а не существовать!

– Что-то забыли? – резко уточнила, сдерживая крик обиды, стараясь не показать, что нахожусь на пределе. Зачем? Порадовать этих паразитов? Обойдутся. Надо же... как они на меня... Такое ощущение, что искореняют лютое зло, то есть меня и моего сына.

– Да. Забыл. Вы не имели права переезжать в квартиру. Только после того, как подпишу бумаги, но так как я этого не собираюсь делать, то жить в моей собственности запрещено, – презрительно выдал он, люто смотря на меня.

– Желаете выгнать меня на улицу вместе с ребенком и отнять кондитерскую? – вежливо уточнила, понимая, что ме-

ня начинает трясти. Не могла я просто так об этом говорить. Не могла. Во мне все кипело от волнения и непонимания. За что так со мной?

– Отец в завещании вам и вашему сыну ничего не оставил. Вы ничего не имеете, – выдал мне приговор Дмитрий, отчего захотелось завывать, но я пораженно смотрела на него, прокручивая полученную информацию.

Ничего не понимала... Пыталась сконцентрировать, но в голове звучали слова мужа, утверждающего, чтобы я не беспокоилась, если даже с ним что-то случится, то подпись наследника – секундное дело. А сам... просто лгал. Слезы подступали к глазам, и не давали сосредоточиться. Дальше, слова что Дмитрий, слышались словно в тумане. – Так как будет судебный процесс, я разрешаю вам и вашему ребенку оставаться в особняке. Но хочу отметить, это чисто мое желание, так как я не выкидываю детей на улицу, а у вас ничего нет. Вы привыкли жить за чужой счет. По поводу кондитерской, вы всегда можете выплатить сумму, выданную вам моим отцом в виде кредита.

Пошатнулась, удивляясь, как еще держусь на ногах. Ужас, это то ощущение, что меня сейчас одолевало. Так страшно мне не было никогда. Раньше ведь была одна, а теперь со мной Сережка.

Нет, мне нужно все узнать. Это моя квартира! Я читала брачный договор, что за бред?

– Поговорим в суде, – проговорила и направилась вперед.

– И куда же вы, если можно узнать? – не успокаивался пасынок, желая добить.

– Можно! К себе домой!

– Сомневаюсь.

– Эта квартира куплена в браке специально для меня! И это можно доказать. Так что не нужно меня пугать.

– Один день. Сутки даю на то, чтобы собрались и переехали сюда, – отчеканил, а потом спокойнее добавил: – Ксения, поверь, я прочитал все бумаги, и там четко говорится, что эта квартира моя, но если захочу, то она перейдет к тебе и к твоему ребенку. Не понимаю, о чем ты здесь говоришь, – вновь повышая голос, гневно выдал он с таким видом, что я обманщица.

Резко повернулась к Алексею, считая, что он обязан сказать слова в мою защиту, и услышала лишь довольный тон:

– Это вы себе придумали про вашу квартиру. Ничего вашего нет, только в том случае, если наследник даст добро, чего я не могу себе представить. Так что уверен, вам о многом нужно подумать, в том числе и о том, где жить, ведь доброта Дмитрия Андреевича не говорит о том, что вы тут будете жить постоянно.

Смотрела на него и ненавидела, находясь в полной уверенности в том, что в несправедливости, происходящей сейчас, замешан он. Ведь именно Тараканов составлял договора. Но я помню что читала! Своими глазами читала... Тогда почему наследник утверждает, что мои слова – ложь?!

– Я хочу увидеть брачный договор и бумагу по переходу квартиры мне.

– По желанию Андрея Михайловича, они хранились в сейфе до приезда наследника. Поэтому еще вчера отдал их Дмитрию Андреевичу. А вы никто, чтобы я вам что-то давал читать. И напомним, чтобы не таили глупых надежд в том, что вам кто-то поможет, ваш сын не является наследником, о чем есть письменное заявление Картунова, и завещание, в котором вы не указаны.

Еле держалась на ногах, кивнула и, не смотря ни на кого, чтобы не видеть злорадства и радости, направилась на выход. Открывая дверь, и выбегая из кабинета, понимала, что Тараканов решил сломать мою жизнь, а этот наследник отобрать все, что шло по договору. Боже мой, даже не могла себе представить, что может случиться такое.

Ничего не понимала. Совсем.

Дрожала всем телом, чувствуя, что готова тут же свалиться, но не позволяла себе такое проявление слабости. Не дождутся! Так быстро шла, что удивительно, почему не упала. Оказавшись в ванной на первом этаже, просто стояла и смотрела на себя в зеркало. Странная привычка, но, когда было плохо на душе, смотрела в свое отражение, заставляя успокоиться. Сегодня не помогало. Я была в панике, шоке, ощущая, что раздавлена. Но не плакала, понимая, что от меня только этого и ждут.

Но пусть даже на это не надеются! Я что-нибудь приду-

маю, но унижаться не буду. Я обязательно найду выход.

Вышла из ванной комнаты и пошла за сыном, вспоминая, как тут жилось, совсем не желая сюда возвращаться. Тут все только и живут тем, чтобы обидеть других. Даже кухарка. Легче самой приготовить, чем дожидаться от нее чего-то. Но пока неизвестно, что и как с кондитерской, не стоило даже думать о съеме квартиры. Как же быть?

Перед глазами мелькали суммы. Ведь я только год как нормально зарабатывала, но это не такие деньги, чтобы выплачивать долг. Совсем не рассчитывала отдавать кредит в два миллиона рублей за все, что вложено в мое детище. Это же нереальная сумма. По крайней мере, для меня.

Главное, не паниковать. Нужно найти выход. Я просто обязана его найти!

Глава 4

На работе была сама не своя. Все летело из рук, и, отмечая мое настроение, Надежда отобрала деревянную лопатку, которой я мешала будущее тесто для коржей, уже взбив желтки и отдельно белки с сахаром, добавив ванилин.

– Что у тебя случилось? Как вчера прошла встреча? – спросила она, невероятно мило смотрясь в своей нежно-фиолетовой форме. Показала мне на белый высокий стул, намекая, чтобы села, а сама принялась добавлять ложками муку, считая до двадцати.

– Ужасно, – почти прохрипела, удивляясь, что всю ночь не сомкнув глаз, так и не хочу спать. Только в груди ощущение, как будто кто-то рвет когтями внутренности. Медленно-медленно. И состояние, как в первый день болезни, ломает так, что хочется скрипеть зубами. – Представляешь, сын Андрея заявил, что я... обманула мужа, и сказал, что в документах и в завещании про обязательства нигде не упоминается. Лишь упоминание, что мне может достаться квартира и быть погашен кредит только в том случае, если Дмитрий согласится по доброй воле.

Подруга мгновенно перестала мешать и, нахмурившись, пробубнила:

– Не понимаю, как так? Ведь вы заверяли у нотариуса, а

значит, есть три экземпляра.

Кивнула и посмотрела на часы, выдавив из себя:

– Через час встреча с ним. Записалась, потому что, когда позвонила, он бросил трубку.

– Почему? – с возмущением произнесла Кротова, вновь активно перемешивая тесто.

– Не знаю. Со своим адвокатом не могу говорить, потому что документов на руках нет. По желанию мужа они хранились в сейфе до того времени, пока не приедет наследник. Я еще тогда была против, потому как мне обязаны были выдать копию, но Картунов возмутился, что не доверяю ему, а ведь он столько сделал для меня, – прошептала, проводя ладонью по лбу, чувствуя, что перед глазами все плывет.

– А если потребовать через суд? – спросила блондинка и, глянув на меня, нахмурилась и пробурчала: – Ксюш, ты очень плохо выглядишь. Может, отдохнешь?

– А как я могу выглядеть хорошо, когда меня выгнали из дома и лишают всего, – прошептала с обидой, желая, хоть на секунду забыть обо всем и немного прийти в себя.

– Из дома?!

– Да... сегодня нужно съехать. Дмитрий даже предложил, чтобы мы с сыном жили в его особняке, в проклятом ненавистном месте. Как же я ненавижу этот крысятник.

– Ты всегда можешь переехать ко мне. Как раз...

– У тебя есть мужчина, – перебила ее, – и вы собираетесь пожениться, поэтому я не пойду к тебе, но все равно спасибо

за поддержку.

– Да я, если честно, почти живу у Егора. Он считает, что нужно уже привыкать к семейной жизни. Поэтому осваиваюсь в его квартире.

– Когда решилась? – удивленно поинтересовалась, не представляя, как Надя пошла на столь серьезный шаг, как совместное проживание. Для нее это очень тяжело.

– Уже второй день. Так что буду рада, если переедешь ко мне, – предложила подруга, пряча грустные глаза, чтобы не видела ее печаль. Но как не видеть, когда на ее лице все написано огромными буквами.

Стало не по себе, что я тут плачусь, а у Надежды своя беда.

– Ты чего нос повесила? Что-то не так?

Девушка вздохнула, решаясь, сказать или нет, а потом выдала:

– Ой, как тебе сказать... Знаешь, Егор, он такой правильный и идеальный, что вот перебор. Я чувствую себя с ним так, что будто под прицелом. И он... представляешь, увидел на своей расческе мои волосы и как сумасшедший принялся выдирать их, настоятельно попросив не пользоваться его принадлежностями или убирать свои патлы, чтобы он не видел их. И, вообще, он заметил, что они у меня ломкие, купил всяких гелей, масок и специальных шампуней. Заботливый...

Даже на миг забыла о своих проблемах и спросила:

– Он всегда такой... заботливый?

А как по-другому спросить, если парень у нее немного не в себе. Или это норма?! Может, у всех такие мужчины?

– Не знаю, раньше мы не жили вместе, и такого вот поведения за ним не наблюдала. И еще... он перемыкает за мной посуду, и находит пыль после моей уборки. А сегодня сказал, что лучше сам будет выполнять всю работу по дому. Чувствую после этого себя засранкой. Но честно, я все перемыла отлично. Но вот это: «Это моя любимая кружка, она любит, чтобы ее идеально мыли», напрягает. Я, наверное, эгоистка и еще не привыкла к совместной жизни.

Тяжело вздохнув, испытав радость, что мы с сыном одни, проговорила:

– Даже не знаю...

– Вот мы с тобой две незнайки, – виновато прошептала она и добавила: – Давай, я тебе ключи дам на всякий случай? Но буду рада, если въедешь. Честное слово.

Решив, что у нее странные отношения и ничего не понятно с Егором, не стала напрашиваться, да еще с нотариусом не переговорила. Может, он меня успокоит.

– Пока не нужно. Посмотрю, что скажут нотариус с адвокатом, а потом, если не найду выхода, то...

– Конечно. А что с вещами и мебелью?

Вздохнула и, обняв себя за плечи, чувствуя, как никогда, усталость, прошептала:

– Переговорю с Дмитрием. Уточню, за какой срок все должна вывезти. А там посмотрим.

– Очень надеюсь, что все образуется, и тебе не придется никуда съезжать.

– И я надеюсь, – просипела, предчувствуя, что чуда не предвидится, и, поднявшись, сказала:

– Я сегодня точно не смогу работать. Пожалуй, пойду пораньше.

– Хорошо. А сын с кем?

– С Верой Петровной, но, если мне действительно придется выплачивать кредит, тогда не потяну эту няню. Я ей плачу хорошую зарплату, за меньшее она даже не посмотрит в сторону моего сына.

– Если что... приводи его сюда ...

Кивнула, подавляя грусть и отчаянье, страшись, что малыш вместо дома будет пропадать на моей работе. Ладно, когда редко, но всегда – это неправильно. Ведь у меня здесь совсем нет времени с ним хорошо заниматься, да и спать на диванчике в обед в прохладном помещении – никуда не годится. Нужен другой вариант.

– Посмотрим, – проговорила и медленно двинулась на выход.

– Ты мне потом позвони.

– Хорошо, – прошептала, чувствуя себя просто ужасно. Со вчерашнего вечера мое настроение становилась только хуже и хуже, приближаясь к максимальной минусовой отметке. Было так плохо, что не описать словами.

Прошла в кабинет и, накинув шубу, взяв сумку, пошла

на выход, надеясь, что голова перестает трещать, пока буду идти, а то раскалывалась так, что, казалось, в любую минуту упаду в обморок.

Через полчаса была на месте, но меня пригласили только тогда, когда подошла очередь по записи. Увидев меня, Игорь Александрович скривился и резко выдал:

– Что вам нужно?

Даже потерялась от таких слов, а ведь раньше этот мужчина удивлял своими манерами настоящего джентльмена. А теперь вот такое хамство. Присела на стул, поскольку нотариус явно не рассчитывал тратить на меня свое драгоценное время, что было видно по его прищуренным глазами и сжатым губам. Он только недовольно кривился, явно желая поскорее избавиться от меня.

– Невежливо бросать трубку, – начала разговор.

– Не вижу достойной темы для того, о чем бы мы с вами могли говорить, – как ни в чем ни бывало заявил он, глядя прямо мне в глаза.

– Как грубо. Обязательно напишу отзыв о вашем отношении к клиентам.

– Так вы по делу? – тут же уточнил Игорь Александрович, даже выдавив улыбку, что на его чересчур худом лице смотрелось очень натянуто.

– Да, меня интересует, почему изменены пункты в брачном договоре, которые были прописаны три года назад, – требовательно проговорила, не желая юлить.

Мужчина провел ладонью по подбородку, обдумывая мои слова, и проговорил:

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– В брачном договоре было указано, что у нас фиктивный брак на два года, и по истечению времени я могу уйти в свою квартиру. В том случае, если с моим мужем что-то случится, что и произошло, я должна была быть в трауре еще год, и получить все мне причитающееся после подписи наследника, как представителя своего отца. То есть мне должна перейти квартира, и аннулирован кредит за кондитерскую. Притом уточнялось, что этот вопрос не будет обсуждаться, потому как...

– Можете не продолжать, – нагло проговорил нотариус, развалившись в кресле, посматривая на часы, как будто торопился, или уже не мог дожждаться, чтобы ушла. – Я помню этот договор, но то, о чем вы говорите, плод вашей богатой фантазии.

– Вы нам читали... и мы подписывали... Я знаю, что подписывала! – отчеканила, сжимая руки в кулаки, оставляя след на коже от ногтей.

– Нет, там говорилось, что вы живете в браке и пользуетесь всеми благами, пока длится этот союз. В том случае, если с вашим супругом случится болезнь или смерть, вам, возможно, достанется квартира, если так пожелает Дмитрий Андреевич Картунов, посчитав, что вы ее заслужили. Про фиктивный брак не было ни слова, а также про обязатель-

ства по кредиту. Все только по инициативе наследника.

Кровь отлила от лица, и я воскликнула:

– Бред! Что вы говорите?! Я подписывала бумагу, где четко говорилось, что это моя квартира, и подпись...

– Нет, вы подписали документ, что ваш сын не имеет никаких прав на наследство.

– Это я тоже помню, но подписала ее на основании...

– Нет. Вас подводит память.

– Ничего меня не подводит! Я требую показать этот документ, чтобы убедиться и сравнить свою подпись, – специально сказала, чтобы он знал, что думаю о его работе. Шарлатан!

– Вам выдавался на руки свой экземпляр документа, а тот, что остается у нотариуса, это его документ, так что прошу успокоиться и принять то, что есть. Все зависит от решения сына вашего мужа.

– Стойте, то есть вы хотите сказать, что никакого фиктивного брака там не упоминается? И...

– Нет, там говорится, что вас Андрей Михайлович взял в жены с ребенком, которому дал свое имя, но он, ни на что не имеет права претендовать. Картунов обещал только жить с вами и содержать, пока длится брак, после... вы просто должны были уйти.

Резко приподнялась и воскликнула:

– Это ложь! Наглая ложь! Как вы смеете?! Я буду жаловаться...

– Да, пожалуйста. Я покажу документ, и все поймут, какая

вы истеричка и интриганка, решившая получить квартиру за чужой счет. И да, у вас еще, помню, был кредит, который вы должны выплачивать, если наследник не пожелает простить.

– Нет. Этого не может быть! Вы лжете! – закричала, понимая, что мой мир рушится, что меня втоптывают в ничто. Но я знаю. Знаю! Как же так? Как так? Почему?

Мужчина лениво усмехнулся и проговорил:

– Что хотите, то и говорите. К сведению, там еще говориться про процент, который может лично назначать Дмитрий Андреевич. Так что советую быть доброй и услужливой...

– Я... как же подло! Какой вы.... подонок!

Мужчина мгновенно поднялся и резко проговорил:

– Пошла вон! Еще не хватало, чтобы сопливая содержанка мне тут мораль читала. Ничего, найдешь себе богатого спонсора! С твоей мордочкой с этим проблем не будет, так что успокойся.

– Я...

– Все! Мое время слишком дорого, чтобы тратить его на бесплатного клиента. Сама выйдешь или выкинуть? – ядовито уточнил он, отчего меня затрясло. Посмотрела ему в глаза и процедила:

– Желаю вам счастья. Да, счастья, за то, что так честно поступили со мной и с моим ребенком, – сказала и пошла к двери, стуча каблуками. Взявшись за ручку, повернулась, и, чувствуя слезы, хрипло выдохнула: – Не знаю, зачем вам

это, но будьте уверены, что вам все вернется.

— Если только деньги, — засмеялся мужчина. Застегнул свой дорогой пиджак и, между прочим, добавил: — А на таких наивных дурочек как вы, я давно не обращаю внимания.

Сказал с таким пренебрежением, злостью, что мгновенно ощутила ненависть. Как же я сейчас презирала его.

Вышла из кабинета и пошла по коридору. Оказавшись рядом с рабочим столом, где сидел секретарь, высокая темно-волосая женщина, имеющая привычку грызть ручки, карандаши и громко пить чай, посмотрела на нее. Вспомнила, что именно она заполняла документы, а значит, точно знает, что было в брачном документе. От моего пристального взгляда, она опустила глаза вниз и повела головой в стороны, тут же отвернувшись.

Еще несколько секунд смотрела на нее, а потом пошла к двери, чувствуя, как меня трясет, а горло сдавливает в удушающем захвате. Не знала, куда и как шла, только помню, что не сдерживала горьких слез.

Уже оказавшись в парке на заснеженной лавочке, позволила себе разреветься, осознавая, что меня загнали в ловушку. Подстроили. Просто... забрали все...

Было так обидно, больно, что уже через мгновение просто сидела, понимая, что не хочу больше плакать. Нужно решать, как быть дальше.

Ладно, квартира. Переживу. Сниму. Что-нибудь придумаю. Временно перевезу всю мебель на склад, должны же

быть какие-то места, оборудованные для ее хранения. Только вот в первую очередь нужно переговорить с Дмитрием... о том, сколько есть времени на то, чтобы убрать вещи из его собственности, и самое важное – на какой срок он оформит кредит и под какой процент, чтобы знать, смогу ли я потянуть такие обязательства. Если нет, тогда продам все и уеду, чтобы начать все с начала в другом месте.

Посмотрела в небо, отмечая синюю глубину с белоснежной ватой облаков, тянущихся в разные стороны, и печально улыбнулась. Не буду пока загадывать и резко рубить концы. Успокоюсь, а там посмотрю...

Глава 5

Никакая брела по тропинке к особняку, надеясь, что быстро решу вопросы и вернусь к сыну. Пришлось звонить Тарakanову и спрашивать, в какое время Дмитрий будет дома, на что мне ответили, что он будет ждать к девяти. Поздно. Очень поздно. Но за это время я успела отвезти сына к Наде, так как другого выхода не было, и пришлось принять ее доброе предложение, обещая, что это временно, пусть она и не была против.

Оказавшись в доме, не реагируя на ядовитую ухмылку Алексея, ожидающего меня у двери, пошла вперед, не обращая внимания на его предложение поговорить по душам. Оказавшись перед кабинетом, постучала и, услышав сухое «входите», прошла в комнату.

Сейчас я не была похожа на светскую львицу, нет, скорее на неживую куклу. Вся белая неживая и разбитая.

Дмитрий стоял у окна в джинсах и белой футболке, совсем не гармонируя с кабинетом мужа, где стояла старинная мебель из красного дерева, а в воздухе витал специфический затхлый запах, смешанный со стариной.

Остановившись на середине комнаты, спокойно выдала:
– Вещи из квартиры забрала. С мебелью... она выполнена на заказ за мой счет, и ее, если можно, вывезу завтра или

послезавтра.

Огромный мужчина только нахмурился на прозвучавшие слова, а потом кивнул, а я, сдерживая себя, чтобы не зареветь, продолжила:

– По кредиту. Какие проценты и на какой срок, чтобы я знала, в состоянии ли выплатить сумму?

Задумчиво посмотрев на меня, Дмитрий прошел к столу. Сев в кресло, спокойно произнес:

– Почему ты решила, что отец тебе решил подарить все, если ты подписала договор, что будешь только пользоваться всем, пока в браке, не претендуя ни на что?

Хороший вопрос, но странный, если учитывать, кто мне его задает. По бумагам выходит, я полная идиотка, если так низко себя оценила. Наверное, любовницы больше требуют, а я, получается, ко всему еще и дура.

– Я не подписывала тех бумаг, что вы читали. Никогда! Только те, в которых указано, что по истечению фиктивного брака, я получаю...

– Фиктивного брака? – непонимающе уточнил он.

– Да. У нас был фиктивный брак, и по завершению срока мне должны перейти квартира и машина, а также мой кредит полностью гасится. Еще я подписала бумагу, где не претендовала ни на что, подтверждая, что Картунов Андрей Михайлович не является биологическим отцом моего ребенка.

– Ксения, ты читала документы? – уточнил Дмитрий, не прерывая зрительного контакта.

– Да, но...

Мужчина резко поднялся и подошел ко мне, вручив копии. Дрожащими руками схватила их, и принялась читать, еще на что-то надеясь, но все было так, как говорил нотариус и Тараканов.

Внимательно рассмотрела подпись. Моя. Вроде. Или не моя?! Сейчас уже так не расписываюсь, как раньше. И вообще в то время я все старалась улучшить ее.

Закрыла на секунду глаза и даже растерялась. Что тут докажешь? Против нотариуса и адвоката... я смотрюсь содержанкой и никчемной истеричкой.

Посмотрела на Картунова и одеревенела, отмечая с каким напряжением он следит за мной. Чувствовала себя добычей. Даже неудобно стало от его внимания. Сглотнула и прошептала:

– Что с кредитом?

– А я думал, хочешь обсудить договор, – грубо уточнил он.

– Что обсуждать, когда мои слова ничего не значат?! Разве можно кричать о справедливости, когда те, кто в курсе, отрицают это, предъявляя другие документы? Только больше себя травить... Сейчас, – сделала паузу, пытаюсь собраться, – меня волнует кондитерская. Если процент будет небольшим и...

– А если большим, тогда что? – нагло выдал Дмитрий, повышая тон, отчего вздрогнула, удивляясь громкости.

– Тогда... продам... и выплачу кредит, – выдавила из себя, хотя эти слова дались мне очень тяжело.

– Когда ты переезжаешь? – спросил он, перебивая меня.

– Я уже переехала, так что... – посмотрела на часы, отчитываясь по факту, – условие выполнила.

– Куда переехала? Насколько знаю, не сюда, – грубо выдал Картунов, не двигаясь с места, хмуря лоб, отчего казался злым, скорее даже разъяренным.

– Нет, не сюда, – ответила, радуясь, что Надя пригласила к себе. Потом найду другое жилье, а пока это самый замечательный экстренный вариант.

– Почему?

– Потому что это будет последнее место, куда я решу пойти жить.

– И кто приютил мать с ребенком?

– Разве это важно? – спросила, не понимая его вопросов. – Ты же выгнал нас из своей собственности. Теперь проблем у тебя нет – мы ушли. Или что-то еще должны? – последнюю фразу сказала резко, понимая, что голос стал дрожать.

Мужчина внимательно смотрел, а потом проговорил:

– Я думал, вы с ребенком переедете сюда.

– Зря. Я уже объяснила свою позицию.

– Считаешь, что лучше жить в съемных квартирах с минимальными удобствами, чем в роскоши? – усмехнулся Дмитрий, со злостью сканируя меня.

Хотела ответить, но поняла важное – он считает, что я

тут перед ним играю... на жалость давлю. Взяла себя в руки, хотя, как взяла, когда всю трясло, и решила не тянуть резину.

— Неважно, что я считаю, правда ведь? — язвительно ответила, тут же добавляя: — Вы же рассчитывали на другое, да? Хотели, чтобы я унижалась и просила? — с каждым словом во мне все сильнее переплетались обида и злость. Я уже не контролировала эмоции. — Так вот! Обойдетесь! Не собираюсь. И не нужно тут задушевных бесед. Не стоит строить из себя заботливого благодетеля. Выгнали — значит, выгнали. Все — закрыли вопрос с квартирой.

— Ксения, — раздраженно начал наследник, но я перебила, особенно когда посмотрела на часы.

— Если не хотите обсуждать кредит, тогда давайте это сделаем в другой день. Это вы тут можете разглагольствовать на интересующие темы и приглашать на встречу в девять вечера, а мне пришлось просить подругу сидеть с сыном, чтобы не таскать его с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.